

**БОЛЬШИЕ ТАЙНЫ
МАЛЕНЬКИХ
ГОРODOB**

Глава 1

НОЧНАЯ ПЬЕСА

Дело было в Санкт-Петербурге, и Вадим Кравченко сказал:

— А я доволен. Я очень доволен. И вообще мне в жизни немного надо. Но только того, что я сам лично хочу.

— Минимализм — это уже не модно, Вадик, — вздохнул Сергей Мещерский.

— А мне плевать. Я не прав, мой зайчик?

Зайчик — Катя Петровская, по мужу Кравченко, не вмешивалась в беседу уже четверть часа. Сил не было, просто никаких не было сил! Они сидели за столиком в баре. Бар назывался, кажется, «Борсалино». Кажется, а может, и нет. Вроде при гостинице «Англетер», которая когда-то была очень и очень знаменита, а потом сплыла, войдя после реконструкции в шикарный комплекс отеля «Астория». В этом отеле они и забронировали номера — решили на этот раз встретить Новый год в Северной Пальмире с максимальным европейским комфортом.

И встретили. Ночь с ее огнями, фейерверком над Невой, шампанским у сфинксов и нескончаемой канонадой китайской пиротехники была позади. На дворе стоял первый день нового года, да и он уже сильно клонился к закату. Город спал посленовогодним младенческим сном. Улицы и проспекты были пусты и засыпаны снегом. Сказка была вокруг — белая сонная сказка.

В отеле — в шикарных холлах, на лестницах и на этажах — царила благопристойная тишина. Такая тишина бывает только 1 января, вечером, сотканным из мглистых балтийских сумерек.

— Минимализм — это не модно, — повторил Сергей Мещерский и отпил ха-ароший глоток шотландского виски. — И, между прочим, Вадик, ты и так от жизни получил все самое лучшее.

— Например? — спросил Кравченко.

— Например, жену. — Мещерский посмотрел на Катю. Взгляд был лучезарный, уплывающий в шотландское далеко — к манящей хрустальными огнями барной стойке.

— Ну а ты что скажешь, мой зайчик? — Кравченко обернулся к Кате.

— Хорошие вы оба уже, — пискнул осипшим голосом «зайчик». — Мальчики, милые, пора закругляться, а?

— Пора, — маленький, пунцовый от виски Мещерский хлопнул ладонью по столу. — Желание женщины — закон. Еще три минуты празднуем здесь, и я везу вас в Петергоф. Я обещал.

Собственно, в этот чудный град Петров, в эту вселенскую студеную колыбель пригласил их именно Мещерский. С Питером у него всегда были крепкие связи — и делами, и друзьями, и неизбежной духовной жаждой. Катя давно заметила за Мещерским странную особенность. Он всегда говорил, что не выносит Питер, но если не приезжал туда в течение трех-четырёх месяцев кряду, хандрил и заболел. В Питере он также хандрил, звонил и на словах вроде бы рвался домой — в Москву. Но приезжал всегда переполненный впечатлениями — поздравевший, повеселевший и самое главное — повзрослевший.

Им с Кравченко уже пора было взростеть...

Посетителей в баре было мало. Бар при гостинице «Англетер», «абсорбированной» «Асторией», распола-

гал к уюту, большим денежным тратам и неспешной беседе. От «Англетера» же остался только зыбкий миф о том, что там некогда свел счеты с жизнью Поэт с большой буквы. В стенах отеля этим, как и многим другим, явно гордились. Слава эта, по мнению Кати, была мрачной, но она завораживала сердце. Катя ловила себя на том, что она даже у себя в номере слишком уж пристально всматривается в шелковые бежевые обои, точно в экран. И машинально то гасит, то снова зажигает белую мраморную лампу. Вот гаснет лампа, и на фоне Исаакия за окном является тень, силуэт...

Но призрака Поэта Катя так и не устерегла. Она призналась Сергею Мещерскому после третьего бокала шампанского и под большим секретом, что на самом деле она и не хочет видеть призрак здесь, в таком роскошном, таком знаменитом, таком благопристойном евроотеле. Однако «Англетер» — даже разрушенный и реконструированный, поглощенный, перестроенный — есть «Англетер». И, не узрев здесь поэта мертвого, Катя неожиданно для себя увидела поэта живого.

— Оба-на, гляньте, кто заглянул к нам на огонек, — тихонько свистнул Кравченко.

Катя оглянулась. У барной стойки, тяжело опираясь на нее всем корпусом, стоял человек. Вот он повернул голову — темные волосы, помятое лицо. Дорогой костюм сидел на нем мешковато, ворот белой рубашки был расстегнут. Катя, еще не совсем понимая, кто перед ней, подумала: «Нет, строгие деловые костюмы он носить не привык. Ему гораздо комфортнее в толстовке, в кожаной куртке, черной рокерской майке». Человек достал из кармана пиджака круглые очки и нацепил их каким-то старомодным профессорским жестом — точно пенсне.

Катя узнала Ждановича — живого Алексея Ждановича, которого прежде видела на обложках компакт-дисков с его песнями, на фотографиях и очень, очень, очень редко в последние годы по телевизору.

Жданович наклонился к бармену, и стало ясно: он пьян. И тут в зал вошли новые посетители. Это была целая компания, если не сказать толпа. Сначала явно охрана — трое крепких, как грецкие орехи, молодых людей, три совсем юные, очень худенькие, очень модные девушки — блондинка, брюнетка и рыженькая — и невысокий блондин, похожий на упругий мячик, затянутый, как в колет, в разноцветную кожаную куртку, расшитую стразами.

В плотном кольце охраны блондин с тремя веселыми спутницами проследовал в соседний зал — было видно, что люди явно с дороги, собрались отдохнуть, расслабиться после бурной клубной новогодней ночи в тесном кругу.

— Кто это? — спросила Катя. — Какое знакомое лицо.

— Понятия не имею. — Мещерский все еще был поглощен Ждановичем у стойки бара.

— Темные вы люди, — хмыкнул Кравченко. — Это ж Боков! Кирюша Боков. «Ты моя любовь, я твоя любовь» — это ж он поет. По всем попсовым радиостанциям сейчас крутят. Хит хитов. Ничего, тепленький такой музон. И еще это — «Мы с тобой друг друга полюбили, а потом пришла зима», — босс мой Чугунов очень эту песню одобряет. И потом «Девочка моя — тра-ля-ля-ля, я тебя хочу — тра-ля-ля-ля» — неужели не слышали? А у меня аж в ушах эти песенки бренчат. Босс мой, Чугунов, когда в машине едем, очень стерео послушать уважает — эстраду, Губина там, «Фабрику» в полном составе, Долину, «Виагру» и, конечно, Бокова. Куда ж сейчас без Бокова.

Катя с любопытством вытянула шею — нет, не разглядеть ей эстрадную знаменитость в соседнем зале. Мелькнул Боков, как райская, разноцветная птица-попугай, — и арриведерчи.

— Попросить, что ли, для босса автограф? — Крав-

ченко сощурился. — А может, вон у того попросить? Э, да он уже не кондишн. Первое января — что вы хотите?

— О Ждановиче давно ничего не было слышно в Москве, — Мещерский перешел на шепот, хотя до стойки было далеко. — Что, он из Питера никуда не выезжает, что ли? Ни гастролей его, ни концертов.

— А помнишь, как мы на него в Горбушку с пацанами прорывались? — спросил Кравченко.

— Это на втором-то курсе? — Мещерский оживился. — Там потом еще драка была у метро. Давно это было, Вадик, — миллион лет до нашей эры... Р-рок, рок-н-ролл... Как-то все это ушло, сгнуло.

Катя смотрела на его бокал с шотландским виски. В знаменитой «Горбушке» она не была ни разу в жизни, ни на одном рок-концерте. Хорошо это было или дурно — об этом она уже не задумывалась. Не жалела. Но Жданович... Она знала его, конечно же, она знала его. Его голос — с кассет, с компакт-дисков. Его песни, его стихи... Нет, в «Англетере», даже абсорбированном, не стоило удивляться такой встрече. Катя поднялась из-за стола.

— Ты куда? — удивился Кравченко.

— Пойду попрошу автограф у Ждановича.

Но она не успела. Жданович вдруг резко обеими руками оттолкнулся от мореного дуба стойки, развернулся на сто восемьдесят градусов и решительным нетвердым шагом взял курс в соседний зал.

Мгновения тишины. Потом шум, возникший сразу из ниоткуда. Громкие мужские голоса. Грохот опрокинутых стульев. Мат — как из пушки.

Явились гостиничные секьюрити — мощные, коректные. Скандал — а это был уже действительно грандиозный скандалище — выплеснулся из соседнего зала. Катя увидела Бокова, окруженного испуганными девушками. Двое его собственных охранников пытались отсечь от него взъерошенного Ждановича. Тот наскочил на Бокова, как петух, что-то хрипло гневно выкри-

кивая. Всю эту компанию секьюрити отеля вежливо, но неуклонно теснили к выходу из бара:

— Господа, пожалуйста, успокойтесь. Тише, господа! Не здесь, только не здесь! Пожалуйста, покиньте помещение!

— Дерьмо! — хрипло кричал Жданович, вырываясь из рук охраны. — Дерьмо! Ненавижу!

— Сам дерьмо! Оставьте нас — я сам сейчас с ним разберусь! — Боков подпрыгивал, как мячик, на одном месте и норовил съездить Ждановича пухлым кулаком.

Потасовка, точно пробка, застряла в дверях бара, но потом мощными усилиями гостиничных охранников была выдворена за дверь — на снег, на мороз.

Кравченко (Катя не успела удержать его), не мешкая ни секунды, ринулся следом. Катя, бросив Мещерского расплачиваться с барменом, набросила шубу, схватила в охапку дубленку мужа и выскочила на улицу.

Гостиничная охрана уже благоразумно покинула поле битвы, но потасовка не утихла. Снег хрустел под ногами, глаза слепили огни рекламы. Катя увидела Ждановича — лицо его было разбито в кровь, очки отсутствовали. Он яростно рвался из рук удерживавшего его здоровяка Кравченко. По сравнению с ним он казался щуплым, как мальчишка, но бешенство утраивало его силы. Двое охранников отгораживали от него Кирилла Бокова, ухоженное лицо которого искажала гримаса гнева и презрения.

— Вон из моего родного города! — кричал Жданович.

— Это из Уржума, что ли? — ядовито парировал Боков.

— Вон из Питера, сволочь!

— Да пошел ты!

— Фонограммщик!

— Алкаш! Пьяная морда!

В эту минуту у отеля остановился, взвизгнув тормозами, черный джип. Сидевшие в нем двое мужчин и две

девушки, увидев происходящее на тротуаре, видимо, с ходу решили вмешаться. Конфликт уже перехлестывал через край. На пороге парадного подъезда тревожно маячил швейцар — вот-вот могла появиться и милиция.

Двое мужчин из джипа быстро приблизились к Ждановичу и Кравченко. Один из них был совсем молодой парень с длинными мелированными волосами. Второй — гораздо старше — среднего роста, худой, широкоплечий. Лицо его в неверных сполохах рекламы показалось Кате смутно знакомым.

— Что тут творится? Что за базар? — крикнул он. — Леха, остынь!

— Сука! — взвизгнул из-за спин охранников Бокков. — Совсем уже... Суки!

— Да я тебя сейчас. — Жданович дернулся из железных лап Кравченко. — Пусти! Да пусти ты меня, парень!

Но Кравченко не отпускал его, обернулся к человеку из джипа. Катя поняла, что ему этот человек хорошо, очень хорошо известен.

— Давайте сажайте Леху в мою машину, — скомандовал тот. — Вы что, из охраны гостиницы?

— Нет. Но я по профессии личник, — ответил Кравченко, легко приподнял упирающегося Ждановича и потащил его к джипу.

Паренек с мелированными волосами распахнул дверь, и Ждановича, как Жихарку в печку, затолкали на заднее сиденье. В этот момент охрана усадила Кирилла Бокова и троих его спутниц в подогнанный серебристый «Мерседес». И все рассосалось. Рядом с Катей остались лишь девушки, что приехали в джипе, да их старший спутник.

— Они что, в баре, что ли, пересеклись? — спросил он.

— Да. Мы в соседнем зале были, слышали шум ссоры. Мой муж вмешался, попытался разнять их, — Катя

отвечала за всех, потому что человек из джипа обращался к ней.

— Милое дело. А где же его очки?

— Я не знаю, — Катя растерянно посмотрела себе под ноги.

— Вот они, — парень с мелированными волосами поднял втоптаннные в снег очки Ждановича. — Смотри-ка, целые, только оправа погнута.

— Саныч, ты иди, я его сам отвезу, — сказал ему его старший спутник. — Ладно, отпраздновали. Всех с Новым годом.

— С новым счастьем, — откликнулась Катя.

Джип растворился во тьме набережной Мойки.

— Тебе-то, сокровище мое, хоть не навесили фонарей? — заботливо спросила Катя Кравченко.

— Мне? Кто? — он глянул на нее, как орел, сверху вниз.

— Кто же это был, интересно?

— А ты его разве не узнала?

— Нет. А ты узнал?

— Это Виктор Долгушин.

— Какой еще Долгушин?

— Какой Долгушин? — Кравченко наклонился к Кате. — Да тот самый. Неужели и «Крейсер Белугин» совсем не помнишь?

Катя не знала что сказать. Некогда «Крейсер Белугин» был знаменитой на всю страну рок-группой, легендарной рок-группой, песни которой, казалось, витали в самом воздухе в смутные годы начала девяностых. Но лучшие песни «Крейсера» давно уже были спеты, а новых не родилось — рок-группа распалась лет семь-восемь назад.

— Как он изменился, — Катя покачала головой. — Боже, надо же... Девчонок с собой возит, парня какого-то... Но, видно, со Ждановичем они — друзья. Кстати, а ты понял, из-за чего драка началась?

— А чего ж тут непонятного? Жданович давно с по-

псой воюет, это всем известно, — Кравченко хмыкнул. — Очаровашку Бокова терпеть ненавидит, он для него как красная тряпка для быка. Питер считает своим, кондовым. А Боков, видно, сюда приехал на все праздники концерты в клубах давать. Ну, отсюда все и вытекает.

— А при чем тут какой-то Уржум?

— Жданович сам родом из Уржума, — Кравченко обнял Катю за плечи. — А вон и наш Серега. Ну, ты вовремя, как всегда.

— Я из вестибюля все видел. Ты и без меня тут справился отлично. — Мещерский, приподнявшись на цыпочки, хлопнул друга по плечу. — Ох и медведь ты, Вадик. Ну что, мы сегодня в Петергоф попадаем или не попадаем? Я радиотакси вызвал.

— Конечно, попадаем, раз ты этого так хочешь, — покорно ответила Катя. Она смотрела через голову Мещерского на освещенный подъезд «Астории». Только что туда, небрежно кивнув строгому швейцару, вошел тот самый паренек с мелированными волосами — Саныч. Он не уехал вместе с остальными на джипе.

Его линялые джинсы и выдавшая виды куртка резко контрастировали с шикарным имиджем «Астории». Катя еще подумала: каким это ветром заносит этого мальчишку в недра роскошного пятизвездочного отеля — неужели попутным? Но Саныч скрылся за сияющими дверями, и Катя почти сразу о нем забыла.

Если бы не целый ряд последующих странных и ужасных событий, она бы, наверное, так никогда и не узнала бы, что Саныча по паспорту зовут Петром Сухим, что в свои двадцать шесть он выглядит на двадцать, что успел он уже поучиться в трех весьма престижных коммерческих вузах столицы и ни в одном не продвинулся далее третьего семестра, что он любит музыку от классики до рока, но абсолютно лишен голоса и слуха.

Что, наконец, он единственный сын и наследник Александра Кузьмича Сухого — весьма известного и уважаемого в Москве бизнесмена, основателя инвестиционно-страховой компании, похоронившего свою жену и спустя всего три месяца после похорон женившегося на своей давней любовнице — Алене Леонидовне Куницыной.

Катя вместе с Кравченко и Мещерским ехала в Петергоф. А Саныч после коротких переговоров с дежурившим за стойкой портье пересек обширный холл и на лифте поднялся на третий этаж.

Его отец и мачеха Алена Леонидовна прилетели в Петербург из Москвы два дня назад и сняли в «Астории» двухкомнатный люкс. Саныч громко постучал в дверь номера. Услышал голос отца «войдите» и вошел.

В номере ярко горели все лампы. Работал телевизор. Александр Кузьмич и Алена Леонидовна отдыхали после бессонной ночи.

— А, Петруша пришел, — Александр Кузьмич поднялся с павловского дивана карельской березы. Выглядел он на все свои пятьдесят пять лет — невысокий, полный, лысоватый, хорошо ухоженный мужчина. Строгий, старающийся казаться ласковым взгляд сквозь очки — на сына, застывшего в дверях как статую.

Алена Леонидовна изящно раскинулась в кресле. В сторону Саныча она и головы не повернула. Алена Леонидовна была холеной, интеллигентной тридцатисемилетней брюнеткой. Фигура у нее была почти идеальной, однако сама Алена Леонидовна так не считала. Настойчиво, почти маниакально стремилась она к дальнейшему совершенству. За Александра Кузьмича она вышла по любви, по привычке и по расчету — все одновременно, вышла после почти трехлетнего романа, начавшегося еще при жизни ныне покойной жены его. Жена Александра Кузьмича болела раком, перенесла три тяжелых операции на кишечнике и в конце концов скончалась.

Александр Кузьмич внешне бесконечно переживал эту потерю, однако очень скоро вступил в новый брак, чем основательно разрушил свои и до того очень непростые отношения с сыном Петрушей — Саньчем.

В новом году это была первая их встреча после почти месячной разлуки.

— Я думал, Петруша, ты позвонишь нам ночью, поздравить, — с натянутой приветливостью сказал Александр Кузьмич. — Мы ждали. Что же ты стоишь? Пройди, садись.

Саньч отлепился от дверного косяка и, как был, не раздеваясь, во влажной от снега куртке, прошелся по люксу, разглядывая антикварную мебель, шелковые обои, ковры, картины, лампы.

— Нехилое гнездышко, — он оглянулся через плечо на отца. — Как раз для медового месяца.

— Мы думали, ты позвонишь, поздравить нас, — голос Александра Кузьмича дрогнул. — Твой мобильник был отключен. А я звонил тебе. Мы ждали. Я ждал.

— Я поздравляю тебя с Новым годом, дорогая матушка, — Саньч гибко склонился перед отцом в шутовском поклоне.

— Здесь не народный театр, Петруша. А я тебе — отец.

— Нет, моя матушка, — Саньч прозрачными, как льдинки, глазами датского принца сверлил отца. — Нет. Отец и мать — муж и жена, муж и жена — единая плоть, а поэтому...

— Твоя мать умерла, — сказал Александр Кузьмич.

— Помню. Ты вот, кажется, успел уже позабыть.

— Петруша, это ты так пришел поздравить нас с праздником? — спросила Алена Леонидовна. — Можешь больше не стараться. Нам с твоим отцом все ясно. Нам уже больно.

— Я не с вами разговариваю, — Саньч упорно избегал встречаться с мачехой взглядом.

— Ну что ты беснуешься? Что ты изводишь нас и се-

бя? — Александр Кузьмич взорвался. — Неужели даже в такой день мы не заслужили от тебя благодарности? Что с тобой случилось? Откуда в тебе столько жестокости? И, главное, к кому? К самым близким тебе людям!

— Ты очень изменился, Петруша, — сказала Алена Леонидовна.

— А это не вам судить. Я не ваш любовник, — Саныч по-прежнему смотрел только на отца.

— Оскорблять Алену я тебе не позволю, — Александр Кузьмич покраснел. — Шенок, мальчишка неблагодарный. Извинись сию же минуту!

— Саша, оставь, не надо. — Алена Леонидовна встала с кресла и, зябко кутаясь в шелковый пеньюар, заскользила в спальню люкса. — Мне не надо от него никаких извинений.

— Ты слышал, что я сказал? — Александр Кузьмич повысил голос. — Или ты сейчас же попросишь прощения, или же...

— Ну, что или? — Саныч подошел к отцу вплотную — тот доходил ему до плеча. — Или что будет с тобой и со мной?

Александр Кузьмич тяжело дышал, молчал.

— С Новым годом, дорогая матушка. — Саныч покинул отцовский номер, громко хлопнув дверью.

Звякнули хрустальные подвески гостиничной люстры. Александр Кузьмич опустил на диван. Он массировал ладонью грудь с левой стороны.

Сердце — умирающий барабанщик. Сердце стучало, светофоры мигали. Алексею Ждановичу было тошно, а джип все ехал, мчался вперед — Синий мост, Гороховая улица, Невский проспект. Светофоры мигали — красный, желтый, зеленый.

Рядом со Ждановичем на заднем сиденье были девушки, Варвара и Лиля. Лилия достала из кармана меховой куртки-парки бумажный платок:

— У тебя из носа кровь течет. На, возьми.

Жданович скомкал платок. Девушки, девушки Варвара и Лиля... Они были существами иного мира. Витка Долгушин и он, Жданович, были намного старше их. Но в принципе это ничего не меняло, не убавляло и не прибавляло.

— Выискался еще Дон Кихот, — хмыкнул Долгушин — он сидел за рулем джипа. И резко прибавил газа.

Светофоры вспыхивали, гасли, разрешая, запрещаая. Джип остановился на перекрестке. У автобусной остановки почти вровень с машиной громоздился огромный снежный сугроб — где-то впереди урчала снегоуборочная машина. За сугробом в желтом мертвенном свете фонарей Жданович увидел темную фигуру. Он сразу узнал его. Он уже видел его не раз. Сердце ударило барабанными палочками в грудную клетку и замерло в испуге.

Из вьюжной ночи, замешанной на желтках фонарей, на Ждановича смотрел он — темное лицо, прекрасное и страшное, исполненное ожидания и превосходства. За спиной у него — и это было несомненно, — как у ночной птицы, были сложены крылья из длинных, шелковых, угольных перьев. Крылья эти не знали усталости. Они могли унести их обладателя и его парализованную ужасом жертву далеко — за облака. Жданович хрипло застонал и подался вперед. Сердце в груди налилось тупой ноющей тяжестью.

Тот, ночной, молчаливый, прекрасный, смотрел на него, ждал. Тяжесть в груди прорвалась острой болью. Жданович начал сползать с сиденья на пол. Он слышал, как закричали Варвара и Лиля, как хлопнула дверь джипа. Потом в глазах стало темно. Но и сквозь темноту он чувствовал его взгляд. Знал: он улыбается, прекрасный, вечный. И ждет.

Сильные руки приподняли, удерживая здесь, на заднем сиденье джипа, — Жданович ощутил вкус нит-

роглицерина во рту. Боль в груди стихала, откатывала волной.

— Леха, ты как? В порядке? Сейчас в больницу поедем, потерпи немного. Сейчас, ты только держись, — к Ждановичу склонился Виктор Долгушин.

— Витька... а где... он?

— Кто он? — удивленно спросил Долгушин. — Мы на Суворовском стоим.

— Он... Да вот же он! — Жданович снова увидел его в свете фонарей.

— Кто? О ком ты говоришь?

— Князь... Ангел, блин, черный ангел. Он тут, прямо за твоей спиной!

— Да это рекламный щит, ты что? — Долгушин обернулся через плечо. — Щит рекламный возле остановки. Написано: «Мужской аромат Йоджи Ямамото», и пацан какой-то намалеван. Эх, Леха, даешь ты... Сейчас в больницу поедем. У тебя сердце ни к черту, дурак.

В груди отпустило. В глазах прояснилось. За сугробом, где урчала снегоуборочная машина, действительно стойко сопротивлялся выюге темно-синий рекламный щит «Йоджи Ямамото» — новый мужской парфюм. Но глаза прекрасного, как темный ангел, рекламиста были точно его глазами. Жданович отвернулся. Он хотел жить. Хотел в больницу под капельницу. Он боялся самого себя этой ночью. Эти глаза, что являлись ему теперь так часто, могли наделать непоправимой беды.

— И все же весь этот парадиз действует на меня как-то чудно, — изрек Вадик Кравченко, когда желтое такси мчало их по Адмиралтейской набережной. — Грустно как-то, не по кайфу, хотя и очень красиво.

— Там на той стороне университет? — спросила Катя таксиста.

— Кунсткамера, — за таксиста ответил Мешерский. — Помню, еще в пятом классе повезли нас в Ле-